

Петра Тодоровского можно поблагодарить как минимум за два поступка. Во-первых, он снял фильмы “Военно-полевой роман” и “Интердевочка”. Во-вторых, подарил миру сына Валерия, который, в свою очередь, тоже снял несколько неплохих картин. В общем, дело Тодоровских живет и побеждает. А Петр Ефимович в свои 78 прекрасно себя чувствует и продолжает снимать кино.

— Петр Ефимович, почему ваши фильмы так или иначе затрагивают тему войны?

— Война для нас — это же молодость. Нам было 17—20 лет. Самое страшное время для нас оказалось самым хорошим. И я тут не оригинален. Почему-то в памяти остается хорошее, веселое, трогательное, любовное, а не смерть, не кровь, которую я видел вокруг себя, к сожалению, очень много. Всякие несправедливости и неудачные решения нашего командования меня совершенно не трогают. Меня прежде всего интересует человек на войне, его душа, его психология, взаимоотношения людей.

Что самое важное в искусстве? Человек. Человек всегда должен быть человеком. Громко выражаясь, человек — самое интересное, что может быть для художника, а для режиссера тем более. Это самый интересный предмет для анализа. А человек на войне, конечно, в другой ситуации. Рядом смерть — и тут же юмор, несправедливый или жесткий командир — и встреча с женщиной.

— А вам с командирами везло?

— У меня был замечательный друг на войне, помощник начальника штаба пехотного батальона. Мне было 19, ему 21. Ленинградец, очень хорошо воспитанный, начитанный, в отличие от многих из нас. Он возил с собой скрипку, играл Сен-Санса. Мне было с ним интересно разговаривать, когда случались затишья. Когда мы расставались после войны — нас разбросали в разные части, — мы обменялись фотографиями. И он сделал замечательную надпись: “Тодоровскому Пете на память о пережитых страхах”. У меня до сих пор лежит сценарий под таким названием, который я, видимо, уже не реализую... Так что и на войне встречались прекрасные люди, с которыми я долго переписывался и поддерживал связи.

Конечно, у меня накопился колоссальный резерв воспоминаний об этом трагичном времени. Могу на эту тему снять еще десяток фильмов.

— А вам не кажется, что современной молодежи не очень-то интересно смотреть на события полувековой давности?

— Я не согласен. Если в картине есть живые люди, живые страсти, напряжение, нерв, интересная история — это всегда интересно. Любовь, дружба, доброта, мужество, трусость — все эти по-

нятия остаются с людьми, пока жив человек. А уж любовь... Это, может быть, одно из самых важных, главных чувств, которое Богом дано человеку. Если это искренне сыграно и если сценарий хороший — думаю, современный зритель будет смотреть эту историю с огромным интересом. Не важно, что все происходит на войне.

— Как вы решились поступать во ВГИК?

— До войны я не думал о ВГИКе — правда, немножко занимался фотографией. Когда началась война, я окончил девятый класс. Меня взяли в армию, потом направили в Саратовское военно-пехотное училище. Это были скороспелки, шестимесячные курсы. Правда, я проучился там не шесть месяцев, а одиннадцать. Наш взвод за полтора месяца до выпуска отправили пилить дрова для Приволжского военного округа далеко на остров под Хвалынск. Мы там кормили комаров. Жуткое время. Ходили полуголодными: сухой паек съели быстро. Когда вернулись в училище, оказалось, что за две недели до нашего возвращения по тревоге все три тысячи курсантов подняли и отправили на Курскую дугу. Знаете, что такое Курская дуга? Это после Сталинградской самая крупная битва.

Клан Тодоровских:
супруга Мира,
сын Валерий и глава
семейства Петр.

«Если проститутка выходила замуж за шведа, то она просто уезжала работать в Гамбург. А если это была серьезная семья, то женщин съедало беспокойство. Поэтому уже во второй серии особой конъюнктуры у меня не было — это была правда».

